

ГАСТРОЛИ БОЛЬШОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО

ВСТРЕЧИ с настоящим искусством делают нашу душевную жизнь богаче, светлее. Все раньше и раньше нас волновали антикварные сумерки, ате больше и больше желтых листьев свело с деревьев, а мы топтали в театр, предавшись новым радостям и раздумьям, и после спектаклей, неспешно возвращаясь домой, либо спорили друг с другом, либо молча востанавливали до деталей в памяти освободившийся монитор или экран.

Словом, гастроли как-то мало подходит к пребыванию Ленинградского Большого драматического театра имени М. Горького в Алма-Ате. Безупречно, впрочем, оно только в календарном смысле — с 5 сентября по 2 — ушел — октябрь. Но разве мы прощаемся со знаменитым гастрольной труппой, мы приветствуем умного талантливого друга с убежденной преданностью, что наши сказки на концертах, букетами астр и прозвонили в эфиротру и пожелавшим летней погоды.

Словом «гастроли» как-то ограничивают звучит в этом случае еще и потому, что мы встретились не просто с театром, а с передовым ленинградским коллективом, который дорожит общественными традициями. Артисты были и на предприятиях, и в университетах, и в Академии наук, и в сельском клубе. Вступали в плодотворные контакты с нашими собратьями по профессии.

Короче говоря, завязавшаяся дружба проявлялась в разных качествах, но алмаатинцы полюбили Ленинградский Большой прежде всего за его спектакли, за неповторимость его творческого облика. Конечно, приходится пожаловать что не все работы театра довели нас увидеть, что в Алма-Ату не смогли принять его главный режиссер, постановщик большинства спектаклей народный артист СССР Г. А. Товстоногов и замечательный мастер народный артист СССР Е. А. Лебедев. Впрочем, размах, строгость и выразительность товстоноговского «почерка» чувствовалась в каждом спектакле.

На трудной и славной революционной заре Большого драматического театра, вступившего недавно во второй полувек своего существования, председатель его режиссерского управления Александр Блок в мае 1919 года писал: «Мы не должны бояться перед великим старым и не должны чуждаться нового; и мы можем поступать так при наличии тех больших артистических сил, которыми владеет». Слова гениального поэта, страстно любившего театр и принастного и его рождению, пронанесены будто сегодня.

На ребеет театр перед великаном прошлого, не чуждается нового. Театр равно смел и в истолковании образов Шекспира, и в постановке современной грузинской лирической комедии. Даже сокращенный вариант его репертуара в Алма-Ате позволяет сделать зрелод о гармоническом

сочетании этих двух сторон. Благородство и глубина классики, пыливое зрение человека наших дней помогают театру ставить высокие нравственные проблемы, освещать суть явлений и характеров.

Убежденность позиции и возвышенность цели объединяют самые разные спектакли — будь это страстная публицистика документальной хроники «Правду! Ницого, кроме

речь с хрипотцой, и этот естественный, но без утрировки грузинский акцент. И особенно жесты. Изумительное владение каждым мускулом. Щедрый дар, ничего не скажешь... Еще не ослабло впечатление от Ивана Карамазова, а живо, как мы увидели Кирилла Лаврова в спектакле «Правду! Ницого, кроме правды!» И подвидис гражданскому его пафосу, его умению открыто

сперить, откровенности публицистических интенций. А вскоре удалось познакомиться с ним в совершенно иной роли. Кирилл Лавров — Ким Жарков, тренер в спортивной школе. Настоящий человек, если говорить по существу. Главная удача этой роли в правдивом показе бесконечной отцовской любви, преодолевающей и отцовский эгоизм. Может быть, и светлый эгоизм рядом с корыстным эгоизмом преуспевающего кандидата наук Лавы Груздева, но — тем не менее — эгоизм. Для исполнения этой роли нужен не только талант — надо понимать людей и любить их.

Признаюсь, некоторые сарни телефильма «Адъютант его превосходительства» я смотрел дважды. И в этом повинен не только бесстрашный разведчик Колцов, но и генерал Ковалеский. Не так часто на нашем экране появляется умный враг. Враг, враг, враг, вызывающий симпатию, и поэтому особенно опасный. Генерала добровольческой армии с блеском сыграл Владислав Стрижельчик. Вероятно, сам Май-Мавеский, прототип этого героя, не возражал бы против такого своего воплощения в кино. Стрижельчик — яркий и острый актер. Да его роли — сенатор Оверман в «Правде» и Генрих Перси в шекспировской хронике — роли четкого рисунка и достоверной ясности. Надменный сенатор, умелый дельцов и по сегодня хватает в Вашингтоне и Нью-Йорке. И рядом — мятежный феодал, умный и сильный противник короля. Я окончательно поверил в Перси, по прозвищу Хотспер, после его поведения с принцем Уэльским. Яростный был поединок, натурельный. Тревожно замер зал в ожидании его исхода. Ах, как стучали шагал!.. Умение отлично фехтовать — не такое уж лишнее дополнение к выразительной игре.

Я хочу, Зинаида Шарко, принести вам день удивления и благодарности. Бабушка Ольга в грузинской комедии, кри-

ливая и добрая бабушка Ольга. Луиза Брайант, подтянутая и энергичная молодая подруга Дикона Руда. Угловатая, разная Девочки в сборнике на Дальнем Севере в сценке из «Традиционного сбора». (Я видел эту сцену в концертном исполнении). Обманутая Нина Жаркова, передающая тяжкую болезнь и мечтающая о ребенке. Нажунали, ах все вы! Вы еще слишком молодая жен-

щина для исполнения роли старух. И уже чуточку перепахнули тот формальный порог, когда удаются образы семидецатилетних. А вам — все удается. Зинаида Шарко владеет счастливым даром перевоплощения. Многие зрители уже вписали ее в число своих любимых актрис.

В общи спектаклях Владимир Рачетер появлялся дважды. В кинеглазе документальной хроники Д. Аля он исполнил в течение буквально нескольких мгновений роль Н. Г. Чернышевского. По времени небольшая роль, по искренности и исторической точности — великолепная! И еще его имя промелькнуло на программке «Короля Генриха IV»: «Литературная композиция В. Рачетера». Он — активный участник спектакля, ибо спросовал две больших чести шекспировской пьесы в одну, без ущерба для артиста, с выигрышем для театра.

Владимир Рачетер выступил перед алмаатинцами и самостоятельно: он исполнил «Гамлет» и «Диалог» — свою композицию по стихам Пушкина.

Владимир Рачетер не читает, а играет. Бережно используя световые и музыкальные эффекты, режиссер Рачетер требует от актера Рачетера сдержанности и дает необычайно мало внешних аксессуаров.

В «Гамлете» многое сделано просто блестяще. На «Диалогах» я был потрясен проникновением артиста в «19 октября», в «Разговор книгопродавца с поэтом», а «Сцену из Фауста» (первую ее часть). Мы приходили домой и раскрывали томки Пушкина. Не часто нас балуют таким чтением его стихов. Хотелось слушать еще и, что греха таить, поспорить с актером.

Алмаатинцы горячо аплодировали Рачетеру. А он, медленно передаваясь по краю сцены справа налево, кланялся и едва слышно произносил одно слово: — Спасибо.

Повторим же и мы всему коллективу театра: — Спасибо, ленинградцы! Алексей БРАТИН.

